

Алина Осокина

Алина Андреевна Осокина окончила исторический факультет Ульяновского государственного педагогического университета. Работает библиотекарем областной научной библиотеки им. В.И. Ленина (Ульяновск). Ее творчество неоднократно отмечалось на всероссийских и зональных совещаниях молодых писателей.

ПТИЦА ФЕНИКС

Ф

утбольшое поле расчищали все вместе: воспитанники детского дома, волонтеры и прочие гости, которых на Рождество съехалось немало. Лопат на всех не хватало, ребятня вырывала друг у друга заветный инструмент, кидалась снежками, путалась под ногами и приносила своим участием больше проблем, чем пользы. Взрослые пытались утихомирить разыгравшихся детей, но остановить нараставший ком детского веселья было уже невозможно.

Постепенно из-под белого пушистого снега стал проглядывать вечно-зеленый ковер. Еще в прошлом году нашлись какие-то спонсоры, которые затеяли ремонт старенького стадиона. За несколько дней на месте вытоптанного поля вырос газон, который зимой и летом сохранял яркий цвет, бетонный беговой круг покрылся современными коричневыми дорожками, а по периметру стадиона, как грибы после летнего дождя, вылезли ярко-оранжевые пластмассовые сиденья, которые, впрочем, быстро пали под натиском детворы.

Когда вокруг поля выросли большие снежные кучи, началась игра. Желающие принять участие в футбольном матче разбились на две команды, в каждой из которых в равной степени играли и дети, и взрослые, отличительной чертой команд служили ярко-желтые и ярко-зеленые жилеты. Такого азарта, стремительности и напора, пожалуй, не видел ни

один футбольный поединок. Мальчишки и девчонки ловко управлялись с мячом, обводили, неслись в атаку, били по воротам и страшно расстраивались, если мяч не достигал цели. Конечно же, во всем был виноват «кривой» мяч или взрослые, но только не сами юные игроки. Звучал писклявый свисток, мяч возвращался на поле, и все начиналось заново. Зрители тоже не оставались в стороне, они активно прыгали и сочиняли на ходу разные кричалки, пытаясь поддержать команды. Все так увлеклись игрой, что совсем забыли, что ночью был мороз. Только директриса, кутаясь в шубу и переминаясь с ноги на ногу, охала и вздыхала, наблюдая, как разгоряченные воспитанники скидывали куртки, варежки и шапки.

— Они же простудятся, скажите им, Илья Андреич, — крикнула она молодому человеку, который сам давно уже бегал в одном спортивном костюме.

— Гол! — заорал коротко стриженный подросток, и слова директрисы потонули во всеобщем гвалте.

Команда в желтых жилетах вышла вперед. Однако праздновать успех было рано, «зеленые» вскоре воспользовались удачным моментом и сравняли счет.

— Ты чо мне пас не дал? — налетел на Илью недавно праздновавший гол подросток.

— Я тебе как пас мог передать, если меня сразу двое закрыли, ты сам-то никому мяч не даешь, все время у себя держишь, — парировал Илья.

— Все парни, успокоились, — вмешался кто-то из взрослых. — Сейчас не время для выяснения отношений, давайте соберитесь.

Ссора, готовая разгореться от первой искры, мигом погасла. Судья призвал игроков к порядку, и матч продолжился. Желтые и зеленые жилеты, как светлячки, носились по полю без усталости, пока финальный свисток не возвестил об окончании матча. Победила, как говорят в таких ситуациях, дружба, однако довольно была таким итогом только директриса, которая принялась, как курица цыплят, загонять своих подопечных в тепло.

После игры все с удовольствием пили чай с разными вкусами и обсуждали самые захватывающие моменты прошедшего матча.

— Илья Андреич, — директриса подседа к молодому человеку, который беседовал с волонтерами. — Так здорово, что вы придумали эту игру. Смотрите, как дети счастливы.

— Я рад, — коротко ответил Илья. — Можем повторить.

— Ой, это будет замечательно, только не зимой, а то уж очень холодно, как бы дети не заболели. Давайте весной, а лучше летом.

— Хорошо, — отрезал молодой человек и отвернулся к своим собеседникам.

— Подождите, — остановила его директриса. — Может, мы пройдем в мой кабинет, а то здесь так шумно. Мне нужно с вами поговорить.

Илья нехотя поднялся из-за стола и последовал за ней. Он был не выше среднестатистического подростка, внешность его ничем не отличалась от тысяч других: широкие скулы, глубоко посаженные глаза, короткий ежик темных волос. Обычный парень, которого можно встретить в любом дворе. Он быстро шел по широким коридорам, желая как можно скорее отделаться от навязчивой директрисы и вернуться к своей компании.

— Илья Андреич, — щебетала директриса, едва поспевая за своим спутником. — Вот здесь у нас выставка рисунков, — она махнула в сто-

рону пестрых пятен на стене, — а здесь я планирую сделать зону рекреации, — снова, как сказочная Царевна-Лебедь, она махнула в сторону тупика.

Илья молча кивал, пропуская мимо ушей добрую половину того, что она говорила.

Они вошли в кабинет. Обычный директорский кабинет с большим столом, заваленным бумагами, со шкапами, полными толстых папок, и стеной, усыпанной множеством цветных грамот, которые непременно демонстрировались всем почетным гостям как знак хорошей работы в надежде, что те запустят руки в свои большие карманы и извлекут оттуда еще какую-нибудь помощь.

Так было и с Ильей. Едва он переступил порог кабинета, как директриса тут же разглядела в нем вместо равнодушного и страдающего человека бездонный денежный мешок. Когда Илья понял, что его просто «разводят» на деньги, то со свойственной ему прямоотой сказал об этом. На что директриса так же прямо ответила:

— А что вы мне прикажете делать? Я ведь не для себя стараюсь, для детей, чтобы у них все было. Думаете, я не знаю, зачем вы все сюда ездите? Грехи свои замаливать. А на детей вам, по большому счету, плевать так же, как их родным.

Илья знал, что директриса права и что грех его больше любого футбольного стадиона, поэтому согласился помогать.

Вот и сейчас он приготовился к тому, что она начнет ловко жонглировать словами, уговаривая его на очередной проект. Что она там еще хотела? Рекреацию?

— Еще раз спасибо вам за то, что вы делаете для наших детей, — директриса сыпала любезности, как мелкий бисер. — Но я с вами хотела поговорить совсем о другом. Мне тут сообщили, что вы с супругой думаете усыновить кого-то из наших детей.

— Есть такие мысли, — подтвердил Илья.

— А вы уже решили, кого вы хотите: мальчика или девочку? Может, вы уже кого-то присмотрели?

— Ну, мы же не на рынке, чтоб выбирать. Кого дадут, того и возьмем. Будет нашим.

— Насколько мне известно, девочка у вас уже есть. Вам, вероятнее всего, как любому мужчине, хотелось бы сына.

— К чему вы клоните? — Илья грубо прервал ее.

— Может, вы обратите внимание на Витю Малова, — продолжала юлить директриса. — Это мальчик, который сегодня первым забил гол. Помните?

Как Илья мог забыть этого нахального мальчишку, который весь матч носился по полю с единственной целью — победить, а после игры страшно злился, что матч закончился слишком быстро и что не хватило времени отыграться.

— Ему недавно исполнилось тринадцать, возраст сложный, переходный. Таких детей обычно не берут, — продолжила директриса. — Но вы сильный, я думаю, что вы справитесь, — она перешла на откровенную лесть.

— Его родители живы?

— Про отца я ничего не могу сказать, а мать вроде жива. У нее еще то ли трое, то ли четверо детей. Она как родила Витю, так сразу и отказалась от него, посчитала, что еще одного не потянет.

— И что же — она навещает его?

— Нет. Никто из родных им никогда не интересовался. С этим проблем не будет.

— Да я не об этом, — отрезал Илья. — Парня жалко.

— Поверьте, для наших воспитанников это не самый плохой вариант. Он здоров, у него нет ни физических, ни психических патологий. Это уже немало.

— Тогда почему его до сих пор не усыновили?

— К сожалению, не все наши дети находят новые семьи. Такова жизнь.

Илья ужасно раздражала директриса. С ней он чувствовал себя как в магазине или банке, где менеджер пытается навязать клиенту какой-то ненужный товар или услугу.

Он поднялся и подошел к окну, с фасада здания на него смотрела когда-то ярко-красная, а теперь порядком поблекшая Жар-птица.

— Давно хотел спросить, почему ваш детский дом называется «Феникс», будто какой-нибудь ресторан или клуб? — произнес Илья.

— Это наш прежний директор придумал, — ответила директриса. — Он был помешан на мифологии, считал, что птица Феникс — это символ возрождения, что-то в этом роде. Хотя наше начальство, и правда, не в восторге от такого названия. Один местный краевед откопал, что у нас воспитывался герой войны в Афганистане, вот теперь требует, чтобы мы присвоили детскому дому его имя. Пожалуй, я так и сделаю. К чему эти сказки и легенды, если есть живая история, настоящий пример для наших детей.

Илья все смотрел на застывшую в полете птицу. Вскоре пошел снег, и огромные белые хлопья скрыли за своей пеленой и птицу, и здание. И все было белым-бело.

— Смотрите, снова снег повалил, — заметила директриса. — Опять заметет, зря только чистили.

Снежные зимы Илья ненавидел с детства. Еще он ненавидел оттепели и следовавшие за ними заморозки, когда водяная каша превращалась в лед, который нужно было колоть. Наледь при ударах ломом плевалась мелкой крошкой, и только долгая, упорная работа до пота и мозолей позволяла очистить нужную территорию.

— Что встал? — кричала мать, когда Илья делал перерыв, чтобы перевести дух. — Кто будет это убирать? — она кивала на разбитые кучи льда.

Илья брал лопату и чистил тротуар в надежде, что мать наконец-то будет довольна. Благодарности или похвалы он не знал и не ждал, ему хотелось только одного: чтобы она не орала на всю улицу, что он бездарь и выродок.

Отца Илья не помнил, но все равно презирал его. С детства он знал, что нарастающая истеричность матери, ее нелюбовь к нему, алкоголь, — это все из-за отца. Подростком он понял, что новые черты характера, которые он открывал в себе, — это тоже пробивающийся через гены отец. Став взрослым, он решил, что когда сам станет отцом, то обязательно будет другим, неважно каким, но другим.

Мать он жалел. Жалел ее, брошенную отцом, жалел, когда на морозе у нее трескались пальцы и болели суставы, жалел ее пьяную, когда она швыряла пустые бутылки и благим матом крыла его. Любить он не умел. Только жалел.

Мать была дворником, она держалась за эту работу лишь потому, что ей дали служебную комнату в коммуналке. Как следует выпив, она ворчала, что «лучше у азеров джинсой торговать, чем в этом проклятом ЖЭКе горбатиться», но узкая комната, в которой зимой было холодно, а летом жарко, связывала ее по рукам и ногам.

Соседей в коммуналке всего было пятеро. Тетя Валя — пенсионерка, которая едва сводила концы с концами, но, тем не менее, постоянно совала Илье какой-нибудь гостинец. Маша — мать-одиночка с двумя сыновьями-погодками, которая варила очень вкусный борщ с фасолью. Маринка — крашеная сорокалетняя блондинка, работавшая продавщицей в соседнем магазине. Она была закадычной подружкой матери и ее основной собутыльницей. Дым от сигарет, которые она курила у себя в комнате, лез во все щели и очень быстро наполнял всю квартиру. У Маринки был муж-уголовник. Когда он вышел из тюрьмы и поселился в коммуналке, то сразу начал устанавливать свои порядки: нельзя было хлопать дверьми, громко разговаривать и приводить домой гостей. Тетя Валя только тихо вздыхала, не решаясь спорить с «этим типом». Маша молчала, даже когда уголовник стащил из ее холодильника присланный какими-то сибирскими родственниками кусок сала. Прожил он с ними недолго, вскоре его поймали на очередной краже и отправили в место, где люди в форме громко хлопали железными дверьми. Маринка ничуть не расстроилась такому повороту событий, они с матерью заперлись в комнате, пили самогон и долго о чем-то разговаривали, а тетя Валя открыла форточку на кухне, чтобы хоть как-то проветрить квартиру от сигаретного дыма.

Когда Илья был совсем маленьким, мать хваталась за любую работу: мыла полы в подъезде, расклеивала объявления по району, разносила бесплатные газеты, — но денег все равно не хватало. Лет в семь Илья стал помогать матери, сначала ему даже нравилось мести улицы метлой, которая была больше него, и собирать листья в мешок. Но потом наступила зима, и мать впервые дала ему лом, которым он должен был разбить ледяной панцирь. Он просто помогал матери, чтобы та успела на очередную работу, но когда мать запила, стал выходить за нее, чтобы ее не уволили.

Когда мать полюбила водку больше, чем свою жизнь, стало совсем трудно. Ее зарплаты и крошечного детского пособия едва хватало на еду и самую простую одежду с китайского рынка. Рос Илья быстро. То, что покупали ему осенью, весной уже было мало. Спасали соседи, которые делились одеждой, из которой так же стремительно вырастали их дети.

Илья отчетливо помнил себя где-то лет с пяти. Точкой отсчета стал случай, когда он подобрал у подъезда выброшенные кем-то игрушки. Илья принес домой кучу «раненых» солдатиков. У кого-то не хватало пластмассовых рук, у кого-то ног или головы. Когда мать увидела его «богатство», то начала орать:

— Выродок, ты зачем притащил эту кучу хлама? Весь в своего безмозглого папашу! А ну-ка выбрось их туда, откуда взял!

Со злости она пнула гору солдатиков, и те разлетелись в разные стороны, как после взрыва. Илья ползал на коленях, одной рукой собирая «пострадавших», а другой размазывая слезы по щекам. Наконец, он сгреб в кучу всех солдатиков и отнес их обратно к подъезду. Утром приехал мусоровоз и увез игрушки на свалку. Тогда Илья понял, что мать никогда не полюбит его.

В детстве и юности было много моментов, которые он хотел бы выре-

заты из своей жизни, как кадры из плохого кино. Но невидимый режиссер не давал согласия на такой монтаж, и все неудачные сцены остались.

Первый эпизод, который он хотел бы стереть из своей памяти, случился в школе в начальных классах. Кто-то из одноклассников увидел, как Илья метет улицу, и тут же разнес эту весть по школе.

— Эй, дворник, — мальчишки стали метать в него едкие насмешки, едва он переступал порог класса. — Дворник, а чем это от тебя воняет? Это собачье дерьмо, которое ты убирал?

Все надрывались от хохота, но больше всего смеялась девчонка с двумя тощими косичками, которая ему нравилась. Вмиг злость ударила ему в голову, и он набросился на своих обидчиков. Одного он ударил в голову, другого в плечо, противники тут же включились в драку, и на Илью посыпались ответные удары. Драка прекратилась только с появлением учительницы, которая за шкурку, как непослушных котят, растащила мальчишек и отправила к директору.

Игорь Иванович окинул беглым взглядом растрепанных детей и спросил:

— Ну, господа, выкладывайте, из-за чего произошло побоище?

Все молчали, уперев взгляды в пол.

— Что же мне, пытать вас, юные партизаны? — усмехнулся директор.

— Мы дразнились, — не выдержал один из мальчишек. — Смеялись, что он работает дворником, — и осторожно кивнул в сторону Ильи.

Игорь Иванович вздернул мохнатые брови. Щеки Ильи под его пристальным взглядом горели от стыда больше, чем от синяков.

— Разве вы не знаете, что мама Ильи работает дворником и он ей помогает? Человек делает место, в котором вы живете, чище, а вы дразнитесь. Стыдно должно быть, господа.

Уши одного из мальчишек побагровели.

— Идите, — скомандовал директор. — И больше никаких драк, а то буду разговаривать в следующий раз с вашими родителями.

Илья знал, что мать вряд ли заинтересуется его синяками, в лучшем случае она сунет ему кусок мороженой курицы, чтобы он «не светил» подбитым глазом. А вот оторванный рукав рубашки точно приведет ее в бешенство.

— Ты где лазал, паразит? — орала она, тряся перед ним старенькой клетчатой рубашкой.

— Я случайно, — пытался оправдаться Илья.

— Ты что, покупал ее, чтобы потом рвать? Мы что, с тобой богачи, чтобы новое покупать? Иди, зашивай! — она швырнула ему рубашку и ушла на кухню.

Илья достал нитку с иглой и стал аккуратно пришивать рукав, чтобы никто не заметил следов белых ниток. Он слышал, как на кухне мать говорила Маринке:

— Такой же непутевый, как его папаша. Одного поля ягода, одна гнилая порода. Намаюсь я еще с ним, ох, намаюсь.

Вечером Илья твердо заявил матери, что больше не будет помогать ей во дворе. На что та ответила:

— Будешь, как миленький. Бездельник! Такой же, как папаша. На шее моей хочешь вечно сидеть? Не выйдет.

С тех пор Илья выходил во двор рано утром, чтобы никто из знакомых его не заметил.

Второй эпизод произошел чуть позже, классе в шестом или седьмом.

Какие-то отморозки «встретили» Машу на улице. В тот вечер она несла получку в дамской сумочке и, как сказал следователь, держалась за сумку мертвой хваткой, за что и получила два удара ножом. Хоронили Машу в закрытом гробу неизвестно откуда взявшиеся родственники. Бросая сухую землю в могилу, Илья понял, что жизнь, какой бы трудной она ни была, все равно лучше смерти.

Поминал Машу каждый сам, как умел. Мать с Маринкой пили водку, тетя Валя сварила картошку и нарезала соленые огурцы.

— Машка всю жизнь овца овцой прожила, — сказала Маринка после очередной рюмки. — Ну что она вцепилась в эту сумку? Большие деньги, что ли, там были. Уж прожила бы как-нибудь, займы, что ли, попросила б. И вообще, кто же деньги в сумке носит, надо было в трусы прятать или в сапог.

— Девочки, о покойнице нельзя плохо говорить, — вмешалась тетя Валя. — Давайте просто помянем Машу, пусть земля ей будет пухом.

Женщины подняли рюмки, даже тетя Валя сделала горький глоток. Вскоре родственники забрали не только погодок, но и скудное Машино имущество. Сначала комната пустовала, потом ее купил Мишка-барыга из дома напротив и стал сдавать. За пять лет сменилось десятка два квартирантов. Маринка говорила, что аура у этой комнаты плохая, не принимает она новых жильцов.

Еще в жизни Ильи было много моментов, которые хотелось замазать краской, как неприличные надписи в подъезде. Но совсем невыносимым стал последний год его жизни с матерью, и вычеркнуть эту строчку из жизни не было никакой возможности, она все равно проступала.

Мать, как говорится, сорвалась в пике. На работу она выходила редко, когда неожиданно трезвела, но такие приступы сознания случались с ней все реже. Илья работал вместо нее, начальник ЖЭКа знал об этом и закрывал глаза.

Пока мать запивала тоску и отвращение к себе и окружающим, Илья работал. Он мыл машину Мишке-барыге, помогал разгружать материалы в строительном магазине, раздавал листовки, чтобы как-то прокормить себя и мать. Лед, который был между ними, с годами достиг толщины айсберга, и теперь его не мог пробить ни один лом.

Одиннадцатый класс стал самым сложным в его жизни. Постоянные мысли о том, где достать деньги, вытесняли все знания. Он даже хотел бросить школу, все равно в институт он не собирался; лучшее, что ждало его после выпускного — это армия. Но вмешался Игорь Иванович. Он выбил для Ильи не только бесплатные завтраки, но и обеды, договорился с учителями, чтобы те занимались с ним индивидуально. Особенно помогала Анна Викторовна — жена директора — она преподавала у них математику и часто приглашала подростка домой, чтобы «подтянуть» его по предмету. В конце занятий она всеми правдами и неправдами оставляла его на ужин. Стыд, который поселился в Илье в детстве, теперь вырос до размеров небоскреба. Директор и его жена были людьми добрыми, отзывчивыми, но они не понимали, что своей заботой оскорбляют его. Именно тогда Илья поклялся себе, что когда станет взрослым, то ни он, ни его жена и дети никогда ни в чем не будут нуждаться.

Отношения с одноклассниками у Ильи не заладились с самого начала, дразнить его после директорской взбучки перестали, но молчаливое презрение следовало за ним до самого конца. Единственным его другом был Славка — молчаливый, тощий, лопоухий сосед по парте. Отец Слав-

ки был боцманом на торговом судне и неплохо зарабатывал, а мать работала учителем начальных классов в их школе. Родители были не в восторге от такого товарища, как Илья, и много раз намекали сыну об этом, но тот делал вид, что не понимает их, и продолжал молча таскаться за Ильей.

С трудом сдав выпускные экзамены, Илья все же получил аттестат зрелости. Пока его одноклассники вступали во взрослую жизнь, напиваясь на выпускном, он уже стоял в этой взрослой жизни двумя ногами и думал, как жить дальше. На официальную работу его до совершеннолетия никто брать не хотел, учиться он тоже не собирался, хотя Игорь Иванович упорно твердил, что он неглупый парень и ему нужно закончить хотя бы техникум. Оставалось только перебиваться разными подработками, чтобы дотянуть до восемнадцатилетия, а там его ждали военкомат и армия. А мать? Да пропади она пропадом, пусть хоть совсем сопьется, до зеленых чертей. Позже он будет казнить себя за эти мысли, раскаиваясь, но ничего уже нельзя будет изменить.

Как-то вечером Илья возвращался с очередной работы и заметил возле киоска валяющуюся в грязи бесформенную фигуру, сразу было не различить, кто это, мужчина или женщина. Сначала Илья хотел, как и все остальные, пройти мимо, но что-то в этом туловище показалось ему знакомым, он подошел и попытался перевернуть тело. Какой же ужас и стыд охватил его, когда он узнал в еле живом человеке свою мать. Обычно она пила дома, либо с Маринкой, либо одна, иногда они по очереди бегали за «добавкой», но на улице мать не оставалась никогда.

Илья поднял ее, закинул одну руку себе на плечо и повел домой. Мать что-то мычала, но послушно следовала за ним. В квартире он сразу потащил ее в ванную и подставил голову под струю холодной воды. Мать начала кричать, извиваться, крыть его благим матом, но Илья не отступал. На шум сбежались соседи.

— Порося, что ли, режут? — пробасил кто-то из новых квартирантов.

— Что вы, может, человеку просто плохо, — ответила тетя Валя.

— Мне эта семейка уже вот тут, — сказал квартирант. — Сдал бы он свою мамашу в психушку.

— Тише, — прошипела тетя Валя. — Разве можно так? Шли бы вы к себе.

Хлопнула дверь комнаты, в ванную постучали.

— Илюша, может, тебе помочь? — пропела тетя Валя.

— Не надо, — ответил он.

Тетя Валя еще немного постояла под дверью и вернулась к себе.

Илья выключил воду и поволок мать в комнату. Трезвеющая женщина, не раздеваясь, завалилась на кровать.

— Mam, ты бы завязывала с пьянками, — сказал Илья. — Правда, сколько можно?

— Заткнись, выродок! — выкрикнула мать, захлебываясь словами.

— Mam, я в армию скоро пойду. Ты одна останешься. Как жить-то будешь?

— Оставь меня! Катись ко всем чертям! Лучше бы я тогда аборт сделала! Пошел вон!

Она запустила в него подушкой, но та не долетела до цели и приземлилась рядом с кроватью.

В Илье закипало бешенство. Он столько лет возился с ней, а она вымещала на нем свои обиды. Ну, ничего, скоро он официально станет взрос-

лым и независимым, после армии его хоть куда возьмут на работу, он зарабатывает много денег, купи квартиру и навсегда забудет дорогу в этот дом.

Илья вышел на кухню и заварил крепкий чай с сахаром. Он пытался укротить свою злость, поймать этого хитрого зверька и посадить в клетку, чтобы тот до поры до времени сидел тихо.

Когда он вернулся в комнату, мать спала. Утром она ничего не вспомнит, и все начнется заново. Ее и без того маленький мир продолжит стремительно сужаться, пока не достигнет размера песчинки.

Собираясь на работу, Илья вынул из кармана мятую сторублевку и кинул на стол.

— На, купи себе пожрать, а то...

Он махнул рукой и ушел.

— Сама знаю, щенок! — кинула ему вслед опухшая, растрепанная мать.

Вечером его ждала все та же картина. Мать лежала на кровати, свесив руку, а на полу валялась пустая бутылка. Илья открыл форточку, чтобы выгнать из комнаты кисло-горький запах. Он наклонился к матери, чтобы укрыть ее, она была бледна и, кажется, не дышала.

Илья бросился к тете Вале.

— Что случилось? — спросила она, открывая дверь.

— Там мама, — быстро проговорил Илья. — Ей очень плохо.

— Ох, батюшки, беги скорее, звони в скорую.

Телефон на площадке был только у соседей напротив, Илья кинулся к ним, долго давил кнопку мерзкого визгливого звонка, пока ему не открыли. Ничего не объясняя, он ворвался в чужую квартиру и стал судорожно вызывать скорую помощь.

Машину ждали долго, все это время Илья с соседкой сидели рядом с матерью. Тете Вале давно все было понятно, но она дожидалась официального вердикта врачей, которые подтвердили, что мать никогда не очнется. Следом приехала милиция. Оперативник покрутил бутылку и вынес предварительное заключение:

— Водка, скорее всего, паленая, ей-то она и траванулась.

Впервые Илья остался один. Всю жизнь он двигался по заранее заданной кем-то свыше траектории, он знал, что будет через день или через год, а теперь линия оборвалась. С одной стороны, он освободился от того, что было ему ненавистно, но с другой — ненавидел сам себя.

— Ну, не казни себя, Илюша, — утешала его тетя Валя. — Ты хороший мальчик, не бросил мамку, заботился о ней.

— Нет, тетя Валь, я ведь разрешал ей пить, видел же, куда она катится. Правда, надо было ее в психушку сдать или в наркологичку. Может, там бы дурь из нее выбили. И с бухгалтершей из ЖЭКа надо было договориться, чтобы хотя бы зарплату не всю ей давала. Если б денег у нее не было, может, не так бы пила.

— Это на что-то хорошее деньги найти сложно, — со знанием дела заключила тетя Валя. — А на водку всегда найдутся. Что же ты теперь будешь делать, Илюша?

— В армию пойду.

— В Чечню уже не пошлют, можно и сходить. Мать хоронить нужно, ты бы, Илюша, прошелся по подъезду, все-таки не чужие люди, соседи помогут, кто чем может. И в ЖЭК сходи, они обязаны материальную помощь выписать.

Просить Илья не умел, самые жалостливые из соседей сами загляды-

вали и отдавали деньги, «чтобы хоть похоронить по-человечески». В ЖЭКе выписали небольшую сумму, которую пришлось отвозить в бухгалтерию, которая ни в какую не хотела выдавать деньги несовершеннолетнему. Скучных средств едва хватило на самый скромный обряд. На кладбище были только Илья с тетей Валей, да три могильщика, которые сначала лениво копали могилу, потом так же нехотя ее закапывали и все время клянчили денег, но тетя Валя была непреклонна. Когда опускали гроб, он никак не входил в слишком узкую яму, словно земля не приняла покойницу. Тетя Валя охала:

— Ой, примета плохая.

— Бросьте вы, мамаша, сейчас все будет, — отвечал ей могильщик. — Сразу бы заплатили нормально, ни мы, ни покойница не мучились бы.

Наконец, гроб достиг дна, а над могилой вырос неряшливый холм. Ледяной панцирь, который рос столько лет, теперь застыл в вечной уродливой фигуре. Перебирая в памяти черно-белые картинки жизни с матерью, Илья вдруг вспомнил небольшой эпизод своего детства. Мать купила ему шоколадное мороженое, как он хотел. Медленно Илья слизывал холодную, мягкую, сладкую массу, наслаждаясь редким лакомством. Но скоро мороженое растаяло и начало капать, пачкая руки, футболку и шорты. Мать не кричала и не обзывала его, а терпеливо вытирала липкие капли платком. Кажется, этот день был счастливым. А может, его и не было вовсе. Может, в памяти, как в плохом архиве, все давным-давно перемешалось и перевернулось с ног на голову. Но Илье хотелось верить, что то мороженое точно было в его жизни.

Через три дня Илье исполнилось восемнадцать. Славка предлагал отметить это событие отцовским коньяком, но Илья твердо решил, что никогда не прикаснется к этой дряни, и запретил другу даже думать об алкоголе. Славка поморщился, но друга послушал и вернул бутылку в сервант.

Когда Илья пришел в военкомат писать заявление в армию, на него посмотрели как на идиота. В глазах призывной комиссии читалось: «Сам захотел родину защищать? Таких дураков еще поискать надо». Но вслух никто ничего не сказал, заявление приняли, в армию взяли.

Тетя Валя хотела проводить Илью до призывного пункта, но подскочило давление, и она лишь молча перекрестила его на пороге.

Армии Илья не боялся, несмотря на дедовщину и прочие зверства, которыми пугала пресса. Наоборот, там он впервые почувствовал себя человеком. Ему выдали новую форму, побрили налысо, как всех новобранцев, он ел то же, что и все, делал то же, что и все. Он не отставал ни в учебке, ни в строевой подготовке, не уступал в физической подготовке даже более крепким парням. Все были равны, и это Илье нравилось. Ни деньги, ни социальный статус, ни даже образование особой роли здесь не играли. И только в уборке снега конкурентов у Ильи не было, слишком большая практика давала преимущество в этом деле...

Два года пролетели, как комета, оставив еле заметный след. Тетя Валя подслеповатыми глазами едва узнала в повзрослевшем, возмужавшем парне того Илюшу, которого в детстве баловала гостинцами.

— Ой, Илюша, проходи, дорогой, — обрадовалась она. — А я тебя каждый день вспоминала, хотела письмо написать, да ты же адреса частного не оставил.

Чай пили в комнате у тети Вали за маленьким журнальным столиком.

— У нас соседи новые, я уж на кухню лишний раз не суюсь, — сказала она. — Я тебе вареньица клубничного положу, ты вроде любил раньше.

Илья одобрительно кивнул, прихлебывая густо заваренный чай. Добрая старушка щедро угощала самым лучшим, что у нее было.

— Ты же голодный, наверно, — спохватилась она. — А я не готовила ничего, хочешь, я тебе пельмешек отварю?

— Не надо, тетя Валь, я не хочу ничего, — соврал он, чтобы не расстраивать соседку. — Вы лучше расскажите, как у вас дела.

— Да что со мной случится. Живу помаленьку. У нас квартиранты Мишкины опять сменились, семья какая-то, деревенские, уж очень баба там голаястая, впит, как резаная. У Маринки муж опять из тюрьмы вернулся, сначала тихий такой ходил, что и не слыхать его было. А тут они с Маринкой напились, ну, под этим делом не поделили что-то, он ее в драке толкнул, а она об угол стола-то и ударилась. Прямо над трупом его повязали и опять посадили. После суда дочка его от первого брака нарисовалась, ушла такая девица, все быстренько к рукам прибрала. Комнату она продала, там теперь мужик какой-то живет, пьет не хуже Маринки, они с той, которая деревенская, вечно лаются, покоя от них нет. А вашу комнату, Илюша, пока ты в армии был, ЖЭК обратно забрал, сказали, что жилье служебное; раз никто из вас больше не работает, то и, значит, жить вам не надо. Говорят, начальник ЖЭКа комнату эту втихоря сдает таджику, который вместо мамки твоей дворником теперь работает. Он тихий, безобидный, с утра засветло уходит во двор, а там еще на какую работу, мы его и не видим почти. Нехорошая стала квартира, тяжело мне с ними со всеми, да уж и возраст не тот. Меня дочка с Тихого океана к себе обещает забрать, я уж жду не дождусь, когда поеду.

Илья впервые слышал, что у тети Вали есть какие-то родственники, но все равно был рад за нее.

— Где ж ты жить будешь, Илюша? — спросила старушка. — Хочешь, я тебе раскладушку на кухне поставлю, хоть переночуешь. А с этими, — она сморщилась, — я уж как-нибудь договорюсь.

— Не надо, тетя Валь, — ответил Илья. — У меня друг в соседнем подъезде живет, я к нему пойду. Спасибо за все.

Он вскочил и стал спешно собираться.

— Уже уходишь? — обиженно пролепетала старушка. — Посидел бы еще. Может, я пельмешек все-таки сварю?

— Не надо, тетя Валь, и так засиделся. Вы давайте, держитесь.

— Храни тебя Бог, мальчик мой, — сказала она напоследок и поцеловала его в лоб.

Больше Илья ее не видел, но он верил, что она действительно уехала на океан и там провела тихую и беззаботную старость.

В Славкин подъезд Илью не пускал домофон. Парень несколько раз набрал номер нужной квартиры, но никто не ответил. Он ошивался возле подъезда, ловя на себе настороженные взгляды прохожих. Наконец он заметил Славкину мать, которая в обеих руках тащила тяжелые сумки из магазина.

— Тетя Юль, — подлетел к ней Илья.

Та от неожиданности уронила одну из сумок. Парень бросился помогать ей собирать выпавшие продукты.

— Илюша, я тебя и не узнала в форме, — сказала Славкина мать, взглядываясь в лицо юноши, как будто до конца не верила, что видит перед собой школьного приятеля сына.

— Давайте, я помогу вам, — предложил Илья, выхватывая у нее сумку.

Тетя Юля не стала сопротивляться. Они вошли в квартиру, в которой пахло домом. Что-то сладкое било в ноздри, как будто выпрашивало, чтобы его съели. Еще подростком Илья подумал, что когда у него будет дом, там будет пахнуть точно так же.

— А Славка где? — спросил Илья, оглядывая знакомую с детства квартиру, в которой был сделан свежий ремонт.

— Он на учебе, — ответила тетя Юля из кухни. — Ты можешь подождать его, он должен скоро вернуться.

Илья прошел в спальню к компьютеру и заканчивая постерами любимой футбольной команды. Теперь это было не убежище замкнутого подростка, а жилище взрослого человека. На письменном столе вперемешку валялись учебники, тетради, черновики с формулами и графиками. Илья открыл одну из книжек, но ничего там не понял.

— Слава вечно все разбрасывает, — сказала тетя Юля, войдя в комнату, и тут же бросилась аккуратно раскладывать его книги, тетради и одежду, которая валялась на диване. — Ты, наверно, голодный? — спросила она. — Я поставила картошку вариться, скоро Слава придет, ужинать будем. Если хочешь, я могу тебе бутербродов с колбаской сделать.

— Не надо, тетя Юль, — ответил Илья. — Я недавно чай пил у соседки.

Женщина понимающе кивнула и оставила его одного. Скоро хлопнула дверь, кто-то пробасил в прихожей, Илья узнал голос друга.

— О, здорово! — воскликнул Славка, увидев его. — А я думал, ты позже вернешься.

— Как видишь, дембельнулся, — ответил Илья.

Они обнялись. Кажется, Славка был рад видеть старого друга, но глаза его все время бегали, словно что-то искали.

— Ты как? — спросил Славка.

— Ничего, — ответил Илья. — Слушай, мне жить негде. Я у тебя перекантуюсь?

— Конечно-ечно, — протянул приятель. — Живи, скока хошь.

— А мамка не будет против?

— Я с ней договарюсь.

Тетя Юля позвала их ужинать. Илья ел медленно, он смаковал каждый кусок домашней, настоящей еды, приготовленной заботливыми руками женщины, которая бесконечно любила своего ребенка. Славка, напротив, быстро глотал большие куски, едва успевая их прожевать. Тетя Юля предложила добавку, но Илья вежливо отказался. Безусловно, ему хотелось еще, но было стыдно злоупотреблять добротой этой семьи. В перерыве между едой и чаем Славка бросил матери:

— Мам, Илюха поживет немного у нас?

— Хорошо, пусть живет, — ответила тетя Юля, немного растерявшись. — А что, у тебя совсем никого нет? — спросила она у Ильи.

— Нет, — ответил парень. — У меня теперь ничего нет.

Илья не врал, вся его жизнь уместилась в скромный армейский рюкзак. Старые вещи, которые тетя Валя заботливо сохранила, были либо совсем непригодны для носки, либо малы, их Илья вынес на помойку, а новые нашить еще не успел.

— Что ты теперь делать будешь? — спросила тетя Юля, нервно кусая сушку.

— Работать пойду. Вы не думайте, я вас долго стеснять не буду. Как деньги появятся, сразу съеду.

— Ну, что ты, живи сколько хочешь, мне не жалко.

Илья постелили в зале на диване. Он долго ворочался, пытаясь привыкнуть к свежему, пахнущему утюгом белью. За стенкой о чем-то шептались Славка и тетя Юля. Илья ничего не слышал, но понимал, что мать его друга не в восторге от такого гостя. Славка теперь учился в институте, читал книги и учил формулы, которые Илья не в состоянии был постигнуть. За те два года, что он провел в армии, друг ушел вперед на несколько шагов, и догнать его было сложно.

Илье всегда хотелось, чтобы тетя Юля была его матерью. Она была доброй, и в ее доме было тепло, как в вязаной кофте. Илью страшно бесило, что Славка не ценит этого, что грубит ей и огрызается. Если бы она была его матерью, Илья был бы самым лучшим, самым послушным сыном. Он бы клал голову ей на колени, целовал ее гладкие белые руки и бесконечно благодарил за все. Но тетя Юля была матерью Славки и любила только его, а Илью она терпела из бесконечной жалости.

Утром Илья отправился на кладбище. Он долго кружил вокруг незнакомых могил, пытаясь вспомнить, где же похоронена мать. Единственным его ориентиром было цыганское захоронение с кованой решеткой и могильной плитой с выгравированными конями. Эта могила была недалеко от дороги, от нее нужно было отсчитать пятнадцать шагов вглубь кладбищенского леса, затем повернуть налево и, пройдя два захоронения, он увидел заросший густой сочной травой холмик.

Два года никто не ухаживал за безымянной могилой. Даже сердобольные старушки, которые нет-нет да вырвут лишний сорняк на соседней могилке, обходили холм стороной. Жесткая трава резала ладони, но Илья все равно остервенело рвал ее, расчищая холм. Пусть все видят, что могила не заброшена, что есть, кому о ней позаботиться. Илья прикидывал в уме, как быстро он сможет заработать необходимые деньги на установку памятника, чтоб все было как у людей.

Стояла жара, но Илья мог бы поклясться, что от земли шел холод. И чем ближе он подбирался к могиле, тем холод становился сильнее, как будто он играл с кем-то невидимым в детскую игру «горячо-холодно» и все время проигрывал.

Постояв немного над холмиком, Илья поправил белые пластмассовые цветы, которые остались еще с похорон, и пошел прочь. Ему хотелось обернуться и кинуть напоследок: «Прости». Но он не обернулся и, молча опустив голову, направился к дороге.

Теперь нужно было заняться поисками работы. Армейские товарищи говорили, что служивших парней охотно брали вышибалами в ночные клубы. Илья направился в самое дорогое и пафосное заведение города с вечнозелеными пальмами в кадучках, торчащими у входа. Суетливый администратор с телефонной гарнитурой в ухе бегло окинул взглядом парня в форме и ответил однозначным отказом:

— Нам ребята покрепче нужны, ты не справишься.

— Я справлюсь, — пытался спорить Илья.

— Если хочешь, можешь попробовать официантом.

— А чаевые большие дают?

— Когда как. Но все чаевые официанты складывают в общак, который потом делят. Но учти, что за разбитую посуду будешь платить из своего кармана.

Илья живо представил, как он будет в белой чистенькой рубашечке сновать между столами, за которыми сытые, холеные, богатые рожи будут щелкать пальцами, подзывая его. И как он будет прислуживать им всегда с улыбкой, несмотря на их хамство. А потом они кинут ему, как собаке, мятую бумажку жалких чаевых, которые заберет ушлый администратор.

Такой жизни он не хотел. Слоняясь по городу, он заметил объявление на столбе, что на новую автомойку нужны работники. Он отправился по адресу, там его сразу же взяли на работу без лишних разговоров. Хозяином был бывший афганец — широкоплечий, высокий, статный мужик. Платили всегда вовремя, с первой зарплаты Илья купил на рынке джинсы, кроссовки и пару футболок. Он снял вместе с одним пареньком с работы комнату в общежитии и наконец-то съехал от Славки. Тетя Юля неуверенно уговаривала его остаться, но Илья прекрасно понимал, что это всего лишь сухая вежливость. Ему самому порядком надоело быть нахлебником у друга и его матери.

— Заходи в гости, Илья, — сказала напоследок тетя Юля.

Он пару раз бывал у них, пока вихрь взрослой жизни окончательно не закрутил его.

В детстве у Ильи была всего одна книга — «Три поросенка». По ней он учился читать, тетя Валя сажала его на колени и, тыча пальцем в картинку, спрашивала:

— Кто это, Илюша? А это?

Илья серьезно водил пальчиками по страницам и пересказывал, как один поросенок построил домик из соломы, второй из прутьев... Повзрослев, он с улыбкой вспоминал то время, ему казалось, что еще тогда, в далеком детстве, он понял, что свою жизнь нужно строить из кирпичиков, крепко, намертво, чтобы никакие бури не смогли ее разрушить.

Через два года работы он скопил достаточно, чтобы выкупить автомойку. У афганца к тому времени начались какие-то проблемы с ребенком, он в спешке продавал бизнес и уезжал со всей семьей на Гоа, говорили, что там идеальный климат. Впрочем, в эти подробности Илья не вдавался. Наконец-то, у него появилось свое дело — хоть что-то свое, личное, его.

Оказалось, что Илья умел хорошо считать и неплохо вел дела. Через год он открыл еще две автомойки, через пару лет у него появилась автомастерская и небольшой магазинчик запчастей. Растущий бизнес, собственная квартира и автомобиль — всего этого он добился сам. В то время, как его ровесники безуспешно искали себя, он занимался делом. Кирпичик к кирпичику, плотной кладкой жизнь его росла и крепла.

Казалось, все, о чем он мечтал, теперь у него было: из нищего, живущего одними подаяниями, он превратился в благодетеля, способного раздавать милости другим. Но внутри он все равно не чувствовал успокоения, его будто сжигал какой-то неугасимый огонь. Как-то под Рождество Илья проходил мимо недавно отстроенной деревянной церкви.

— Эй, парень, — позвал его щуплый мужчина с неряшливой, жидкой, рыжей бородкой. — Поди сюда.

Илья на всякий случай огляделся, чтобы убедиться, что человек обращается именно к нему. На заснеженной улице было пустынно. Илья подошел к железному забору.

— Там калитка сбоку, — мужчина суетливо замахал руками.

Илья обогнул забор и вошел в полуоткрытую калитку.

— Слушай, снега навалило ночью просто жуть какая-то, — произнес

человек, трясся для убедительности совковой лопатой. — Мне одному никак не справиться, слушай, помоги, а?

Илья дернул плечом: почему бы и не помочь.

— Ты мне только лопату нормальную дай, — сказал он мужчине. — А лучше скребок.

Тот бросился к сараю искать нужный инструмент и скоро извлек все необходимое.

Убирать снег Илье было не в новинку, он знал эту науку в совершенстве. Работа, которую он ненавидел, которую он проклинал всю свою юность, неожиданно стала для него в радость. Огонь, который жег его изнутри, вдруг стал приятно согревать, как будто шар превратился в лампадку.

Илья не заметил, как быстро и ловко очистил двор от снега. Мужчина забрал у него лопату и, рассыпаясь в благодарностях, пригласил зайти в храм. Сначала Илья отказался, ссылаясь на обилие дел, но позже поддался уговорам, даже не из вежливости, а скорее из любопытства.

В храме было сумрачно и тихо, как в пещере, лишь слабые лучики света пробивались через узкие окна и падали то на лики святых, то на кадила, то на алтарь. Илья обошел церковь, с интересом изучая иконы. Здесь было хорошо и уютно, хотелось остановить ежедневный бег жизни и погрузиться в эту тишину с головой, без остатка.

Тяжело скрипнула дверь, и внутрь вошел мужчина.

— Я ведь совсем забыл представиться, — пропел он срывающимся тенорком, быстро направляясь к Илье. — Меня зовут отец Василий, я настоятель этого храма.

— Илья, — парень машинально протянул правую руку.

Он видел настоящего священника всего один раз в армии, когда их строем водили в церковь на какой-то молебен. Тот батюшка был высокий, крупный, с окладистой седой бородой и могучим басом. Илья и не знал, что священник может быть совсем другим: нервным, неловким, с растрепанными, прилипшими ко лбу волосами. На улице Илье показалось, что батюшка намного старше его, теперь же, взглядывая в черты его лица чуть внимательней, он обнаружил, что отцу Василию слегка за тридцать. Интересно было, что привело молодого парня к такой жизни, но спрашивать Илья не стал.

— Хорошо тут у вас, — сказал он, еще раз обводя взглядом росписи на стенах.

— А вы здесь первый раз? — спросил Василий, щуря глаза, словно пытаясь вспомнить, видел он парня раньше или нет.

— Да. Я мимо шел, и если бы вы не позвали снег чистить, то никогда бы и не зашел сюда.

— Значит, это божественное провидение. Двое прихожан вчера обещали подойти помочь, а вот, видите, не пришли. Хорошо, что вы согласились, а то я бы один тут до самого вечера едва ли управился. Сегодня ночью будет служба, приходите.

— Постараюсь, — сказал Илья, искоса поглядывая на дисплей мобильного телефона. — Мне идти надо.

— Да-да, конечно. Еще раз спасибо.

Илья пожал руку новому знакомому и пошел по делам. Вечером он вернулся в храм. Теперь здесь было празднично и торжественно, всюду горели огни, а вот его внутренний огонь вдруг затух, словно на него вылили ведро воды.

В храме скоро стало многолюдно; тем, кто припозднился, приходилось слушать службу на улице. Отец Василий в праздничном облачении пропевал тенорком молитвы, а хор и прихожане вторили ему. Илья мало что понимал, но радовался, потому что радовались все вокруг. Мир вдруг стал светлым, вся горечь, несчастья, болезни и трудности вмиг исчезли. Незримый ангел кружил под потолком и целовал всех в макушку, благословляя на новую жизнь, полную безграничного счастья. До конца службы Илья не дотерпел, он ушел, уступив место в храме тому, кому оно было нужнее, кто тоже искал встречи с Богом и жаждал благословения.

Через неделю Илья снова заглянул в храм, отец Василий встретил его, как доброго знакомого, и пригласил в гости. Илья уже начал отказываться, но тут к ним подошла жена Василия — круглолицая блондинка с добрыми, слегка озорными глазами — матушка Анастасия. Ей-то молодой человек отказать точно не мог, да и не хотел, его почему-то тянуло к этим странным, немного неземным людям.

Дома у них было светло и пахло хвоей. У Ильи никогда не было новогодней ели, и он, как ребенок, долго рассматривал переливающееся синими огоньками дерево, под которым безмятежно дремал кот. Позвали пить чай. На круглом столе разместились пять белоснежных чашек, сахарница, вазочка с вишневым вареньем и огромный яблочный пирог. По правую руку от отца семейства посадили гостя, по левую сидела матушка Анастасия, которая, впрочем, постоянно вскакивала то для того, чтобы подать кому-то недостающий столовый прибор, то для того, чтобы долить кипятку. Рядом с ней сидели две хорошенькие девочки с белыми косичками.

— Дуняша у нас в первый класс пойдет, — рассказывал Василий, кивая в сторону старшей дочери. — А Маруся в детский сад недавно пошла. Девочки скромно молчали, словно речь шла не о них, и только стреляли друг в дружку озорными взглядами.

— А Настенька у нас регент церковного хора, — продолжал батюшка, ласково глядя на жену. — Она моя самая верная помощница.

Анастасия слегка покраснела и тут же бросилась предлагать гостю очередное угощение.

Дети скоро напились чаю и убежали играть в свою комнату. Илье стало не по себе. Сейчас будут расспрашивать о его жизни, и когда добрые хозяева узнают его тайну, то сразу пожалеют, что пригласили его в дом и посадили за стол со своими детьми.

— Вы воцерковленный человек? — спросила Анастасия.

— Нет.

— Ничего страшного, многие приходят в церковь только в зрелом возрасте.

— В церковь, наверное, не всех пускают.

— Почему же? — удивился Василий.

— Грешников разве пускают на порог? — спросил Илья.

— В Библии сказано, что один раскаявшийся грешник милее Богу девяносто девяти праведников. Если есть за вами какой грех, вы покайтесь, и сразу станет легче.

— Я убил свою мать, — выпалил Илья.

Лица хозяев застыли в блаженной улыбке.

— Да вы не пугайтесь, — поспешил успокоить их Илья. — Я же не так, не буквально. Моя мать сильно пила, я дал ей денег на еду, а она купила водку, которой и отравилась. По сути, это я ее убил. Если бы не те деньги, то она была бы жива.

— Вы напрасно себя терзаете, — сказал священник. — Вы дали эти деньги из благих побуждений, вы же не знали, что она распорядится ими иначе.

— Да все я знал, — перебил его Илья. — Она пила водку, как мы с вами чай. Но, понимаете, я же позволил ей скатиться в эту яму. Разве это не грех?

Отец Василий замолчал, глаза его бегали, словно искали ответа на этот вопрос.

— Вам нужно молиться о вашей матери, — наконец выдал он. — Точнее, об упокоении ее души. Тело человеческое бrenно, а душа бессмертна. Господь милостив, он всех простит.

— А мне... как жить с этим? Как простить самого себя?

— Как говорил преподобный Серафим Саровский: «Стяжи дух мирен, и тогда тысячи вокруг тебя спасутся». Раз вы не смогли помочь своей матери, так помогите тем, кто нуждается в этой помощи.

— Как же мне их найти, да и чем я смогу помочь?

— А вы приходите к нам в церковь и удивитесь, как много в мире страждущих.

Кажется, в детстве у Ильи был нательный крестик, потом он куда-то затерялся. Теперь Илья мог купить какой угодно крест, но он все равно выбрал маленький деревянный крестик на нитке.

Он подружился с семьей отца Василия и стал ходить в храм, постепенно постигая все премудрости веры, учил молитвы и помогал. Кому-то нужно было собрать ребенка в школу, и он давал денег; кому-то нужна была работа, и он устраивал человека к себе; у кого-то пил муж, и он добивался, чтобы того взяли на лечение. Илья приручил свой внутренний огненный шар. Когда он делился добром, то шар не обжигал его, но стоило ему замешкаться, как в душе опять полыхало.

Там же в церкви он встретил Алёну. Худенькая блондинка с небесными глазами сразу привлекла внимание молодого человека. Она была тем самым кирпичиком, которого не доставало, чтобы построить дом. Сначала Алёна испугалась, когда встретилась с тяжелым взглядом Ильи, парень казался ей грубым и резким. Но потом молодой человек подошел к ней и предложил проводить домой. Старушка, случайно подслушавшая их разговор, вмешалась:

— Соглашайся, отличный парень, он Юрке моему непутевому, знаешь, как помог. Не прогадаешь...

Они медленно шли по липовой аллее и говорили. Вернее, говорила Алёна, Илья больше слушал, лишь изредка заполняя фразами возникающие пустоты. Когда они подошли к подъезду, девушка была уверена, что на самом деле Илья хороший. Все в округе твердили, что за такого парня «нужно держаться», что таких больше нет. Алёна послушалась, и вскоре они поженились. Свадьбу играли в самом дорогом ресторане, со стороны невесты было человек тридцать родственников и друзей, а со стороны жениха пришел лишь отец Василий с женой.

Через год у молодых родилась дочка — Мила, с такими же небесными глазами, как у матери. Все кирпичики встали на свои места. Дом был готов, оставалось лишь жить и радоваться каждому дню, но внутренний душевный жар не унимался, мешал.

Илье казалось, что все его действия ничтожно малы. Спасения души нужно было искать в чем-то большем, чтобы разом смыть все грехи. Илья нашел свое спасение в детском доме, точнее в его воспитанниках. Не знав-

шие родительской любви, эти дети были ему ближе многих, желавших теперь считаться его друзьями.

Илья благодарил Бога, что у него была мать, пусть плохая, но была. И дом, пусть фальшивый, тоже у него был. И люди, которые задали ему правильные ориентиры в жизни, тоже были. А эти маленькие зверьки росли без ощущения времени, почвы и своего предназначения. Илья много раз ловил себя на мысли, что еще немного, и он начнет их жалеть. Но тут же брал себя в руки и гасил это чувство, пока оно не успело пустить корни. Ему хотелось, чтобы эти дети научились правильно дышать, чтобы, оказавшись за пределами детского дома, они сумели правильно распорядиться обрушившейся на них свободой. Его идеалистический порыв ничто не могло остановить: ни вечные опасения директрисы, ни равнодушные и безучастные ее подопечных.

Постепенно привыкнув к ребятам, Илья стал задумываться о следующем шаге.

— Может, нам усыновить ребенка? — однажды предложил он жене за ужином.

— Это хорошая мысль, — ответила Алена, продолжая трапезу. — Только мы же не сможем забрать всех. Как мы выберем?

— Не знаю. Наверно, ребенок сам нас выберет. Так как-то. Ты же не против?

— Конечно, нет. Все будет так, как ты решишь, дорогой.

Она погладила его по руке и предложила добавки.

На Витю Илья обратил внимание задолго до футбольного матча. Этого резкого, курносого мальчишку с вечно прищуренными, хитрыми глазами нельзя было не заметить в толпе сверстников. Роста он был среднего, но выделялся на фоне остальных какой-то невероятной тягой к жизни. Возможно, именно это и привлекло Илью. Хотя Алена считала иначе. Она была уверена, что муж просто хочет сына, именно взрослого, с которым не нужно возиться, как с Милой.

Видимо, директриса из самых благих побуждений хотела ускорить воссоединение своего воспитанника с новой семьей, как опытная сваха пытается быстрее пристроить засидевшуюся в девках невесту. Витя сам подошел к Илье в один из его приездов в детский дом.

— Это ты, что ль, меня взять хочешь? — спросил он, недоверчиво оглядывая потенциального родителя.

— Почему бы и нет, — ответил Илья. — Ты что, против?

— Видел я вас таких. Ходите, смотрите, выбираете. Знаешь, сколько раз меня хотели усыновить, и где они все?

— Я не такой. Если решил, то уже не отступлю.

Подросток хмыкнул.

— Кто тебе сказал, что я с тобой жить буду? — спросил он. — Здесь у меня все есть. Вон смотри, мобила какая. — Витя достал из кармана новенький смартфон и повертел в руках.

— Крутой телефон, — оценил Илья. — Подарок?

— Ага, — вяло протянул подросток.

— И что вся твоя жизнь уместается в этот черный прямоугольник? Неужели тебе не хочется настоящего дома?

— Не-а. Мне и тут норм.

— И тебе не хочется своей отдельной комнаты? Своих, а не общих вещей? Или тебе нравится ходить строем, как в армии?

— Да ладно, — скривился подросток. — А у тебя ноут есть?

— Есть, — ответил Илья, сдерживая улыбку.

— А велик?

— Есть.

— И собака? — допытывался Витя.

— Собаки нет, но ее можно завести.

— Тогда ладно, я подумаю, — небрежно кинул подросток.

Илью тревожило, что Витя так заиклен на материальных ценностях и не цепляется за возможность изменить жизнь так, как цеплялся он. Но Илья верил, что справится и с этим.

Оформив необходимые бумаги, Илья с Аленой стали опекунами Вити. Сразу усыновить его не получилось, мешала какая-то загвоздка в документах, но органы опеки обещали, что со временем эта проблема решится.

Алена приготовила к приезду Вити комнату: повесила новые занавески, застелила постель, расставила на полках учебники и книги. Когда подросток вошел в новое жилище, он скептически окинул взглядом комнату и, скривив губы, сказал:

— Ничо так.

— Вот шкаф, сюда ты можешь аккуратно сложить свои вещи, — ласково произнесла Алена, распахивая дверцы. — Скоро будем обедать, а пока отдыхай.

Она выскользнула из комнаты, предоставив подростка самому себе. Тот скинул болтавшийся на плече рюкзак и рухнул на кровать, проверяя ее на прочность. Кажется, здесь можно было жить.

Позвали обедать. Витя нехотя поднялся и побрел на кухню.

— Ты руки мыл? — строго спросил Илья.

— Как? Я же не знаю, где тут у вас чего.

Алена проводила его в ванную, попутно показывая, что и где находится в тепер уже их общем доме. Когда подросток вернулся на кухню, все стояли возле стола.

— А вы чо не садитесь? — спросил он. — Стульев, что ли, нет?

— Перед трапезой мы обычно читаем молитву, — объяснил Илья.

— А если я ее не знаю?

— Тогда просто молчи и слушай.

Илья принялся нараспев произносить слова молитвы, все молча слушали, и только маленькая Мила искоса поглядывала на нового члена семьи. Закончив молитву, все сели за стол.

От тарелки с супом исходил густой пар. Витя взял ложку и начал изучать содержимое тарелки. В бульоне плавали лук, морковка, картошка и какие-то зеленые шарики, похожие на карликовую капусту.

— Это чо такое? — спросил он, поддевая шарик ложкой.

— Это брюссельская капуста, — пояснила Алена. — Ешь, она очень вкусная.

Подросток недоверчиво отправил в рот шарик и скривился.

— Бе-е-е. А чо, мяса нет? — спросил он, пытаясь отыскать в жиже хоть один кусочек.

— Сейчас пост, — пояснил Илья. — Мы не едим мяса.

— Вы чо, эти, фанатики? — спросил подросток, подозрительно оглядывая хозяев.

— Нет, конечно, — с улыбкой ответила Алена. — Мы просто верующие люди. Если ты не привык к такой пище, то я могу тебе пожарить рыбу.

— Фу, не надо рыбы, — ответил Витя и принял ее, мелять пустой суп.

Когда стали пить чай с земляничным вареньем, Мила раскапризничалась, и отцу пришлось взять ее на руки. Прикорнув к теплой родительской груди, девочка успокоилась. Илья был счастлив.

Трудности, которыми его пугали органы опеки, только начинали набирать силу. Витя никак не мог привыкнуть к тем порядкам, которыми жил дом. Алена раз за разом, заметив разбросанные вещи, терпеливо напоминала подростку, что их нужно сложить в шкаф. Витя что-то недовольно мычал в ответ и запихивал одежду в шкаф, «лишь бы эта блаженная отвязалась». То же самое было с элементарными гигиеническими процедурами, обо всем нужно было говорить. Подросток нехотя делал то, о чем его просили. Он уже начал жалеть, что согласился на переезд. От его свободы каждый день откусывали по крошечной дольке.

В новой школе у Вити дела не заладились с самого начала. Уже через неделю Илья сидел в кабинете директора. Аккуратная, ухоженная женщина средних лет со взглядом чиновницы беседовала с ним.

— Мы пошли вам навстречу, Илья Андреич, — сказала она. — Взяли вашего ребенка среди учебного года в переполненный класс. А вы так нас подводите.

— Говорите яснее, я не очень понимаю вас, — ответил Илья.

— Мало того, что Витя сильно отстает в учебе от наших детей, так он еще нарушает дисциплину.

За казенными словами директрисы стояла самая обычная драка, которую затеял подросток то ли на четвертый, то ли на пятый день пребывания в школе.

— Это же мальчишки, они все время дерутся, — парировал Илья. — Сами разберутся, помирятся, еще лучшими друзьями станут.

— Знаете, эти детдомовские привычки придется оставить. Мы учим наших детей решать конфликты мирным путем. Пожалуйста, объясните это вашему ребенку. Иначе нам придется расстаться. Да, еще такой неприятный момент. В этой драке одному мальчику разбили телефон. Придется компенсировать.

— Почему вы решили, что именно Витя его разбил?

— Все участники драки показывают на него. Я бы на вашем месте поторопилась, а то родители этого мальчика грозятся написать заявление в полицию. Думаю, лишние неприятности вам не нужны.

— Я понял, — ответил Илья и вышел из кабинета.

Вечером он заглянул в комнату к Вите, тот валялся на кровати и слушал музыку в наушниках. Илья подсел к нему.

— Чо надо? — спросил подросток, вытаскивая из уха один наушник.

— Меня в школу сегодня вызывали, — ответил Илья, вытаскивая второй наушник.

— Ты чо делаешь? — завопил подросток, хватаясь за резиновый провод, как за спасательный трос.

— Убери эту фигню и сядь, — строго произнес мужчина и швырнул провод подростку.

Тот скрутил наушники и сел.

— Я не виноват, они первые начали, — бегло оправдывался он.

— Мне все равно, что там произошло, главное, что ты участвовал. Веди себя нормально, а то попрут из школы. И да, там парню одному телефон разбили, отдашь ему свой.

— Чо? Да это не я! — завопил Витя.

— Мне все равно. Все показывают на тебя. Отдашь телефон без разговоров.

— Вот еще, это мой телефон, мне его подарили.

— Тогда я сам отдам, — Илья протянул руку.

— Не дам, сказал. Это мое.

Илья схватил телефон и силой вырвал у подростка.

— Отдай! — вопил Витя, пытаясь вернуть драгоценность.

Но Илья был непреклонен, он достал симку и швырнул ее подростку.

— Я тебе свой старый отдам.

— Нафиг мне твой старый, я айфон хочу.

— Обойдешься. Хватит целыми днями туда пялиться. Лучше бы в комнате убрался или матери помог с ужином.

— Она мне не мать! А я вам не крепостной, чтобы мной командовать.

— Ты лучше бы свои знания на уроках демонстрировал.

— Да пошел ты!

Илья хлопнул дверью и пошел на кухню, где плакала испуганная Мила.

На следующий день он пришел в школу, чтобы отдать телефон пострадавшему.

— Мой круче был, — сказал мальчишка, вертя в руках телефон.

— Бери, что дают, а то вообще без мобильного останешься, — ответил Илья.

— Ладно-ладно, — согласился школьник. — Все равно у родоков на днюху айфон выпрошу.

Конфликт был исчерпан. Но Витя смириться с утратой любимой игрушки никак не хотел.

— Ты мне когда телефон купишь? — спросил он за ужином.

— Я тебе не собираюсь ничего покупать, — спокойно ответил Илья, отправляя в рот куски жареной картошки.

— Мне тетки из опеки сказали, что раз вы мои опекуны, то должны обеспечить всем необходимым, — не унимался подросток.

— У тебя есть все необходимое: еда, дом, мыло, зубная паста. Что тебе еще надо?

— Мобилу мне надо!

— Зачем она тебе? Музон слушать и в стрелялки тупые играть?

— Тебе какое дело. Я вообще на вас в опеку пожалуюсь, и меня заберут.

Алена испуганно перевела взгляд с мужа на Витю и обратно.

— Жалуйся, — невозмутимо ответил Илья, доедая картошку.

Подросток прикинул, что ему будет выгоднее: остаться в приемной семье или вернуться в детский дом. Он решил дать опекунам второй шанс.

В воскресенье пошли на службу. Витя демонстративно зевал, вертелся и всем своим видом показывал, что ему скучно. Он ткнул Илью в плечо:

— Долго еще?

— Если тебе неинтересно — иди на улицу, жди нас там, — прошептал Илья.

Подросток с радостью удалился. Вечером Илья заметил у него телефон.

— Откуда взял? — строго спросил он.

— Нашел, — ответил Витя, не отрываясь от игрушки.

— Человек, который потерял телефон, наверно, его ищет. Нужно вернуть.

— Ничо не надо. Сам виноват, что потерял. А я нашел, значит, мое. Витя вцепился в свою добычу, как маленький хищник. Илья решил отступить.

Утром, когда он прогревал машину, к нему подошел сосед:

— Представляешь, вчера в церкви мобилу кто-то свистнул. Совсем обнаглели. Я сначала думал, может, дома оставил или посеял где. А потом вспомнил, что когда подходил к храму, мне с работы позвонили. Значит, на службе он точно был со мной.

Нехороший пазл стал складываться. Когда Витя сел в машину, Илья спросил:

— А ты телефон точно нашел?

— Да, точно-точно, отцепись, — буркнул подросток.

— У моего друга вчера в церкви точно такой же телефон подрезали. Давай посмотрим, может, это тот самый.

— Не, — Витя заерзал на сиденье.

— Давай проверим. Может, там фотографии или контакты остались, — не отставал Илья.

— Ладно, в церкви я телефон нашел, — нехотя признался подросток. — Он сам виноват. Оставил мобилу на скамейке. Ну, я и взял. Ты же мне не хочешь новый покупать.

Илья забрал у Вити добычу, и тот, надувшись, уставился в окно, выводя нелепые узоры на стеклах.

— Я не буду тебе покупать телефон. Это принципиальный вопрос, — сказал Илья. — Но я предлагаю тебе заработать на него.

— Чо? — не понял Витя.

— У меня на мойке парнишка уволился, можешь временно занять его место. После уроков будешь приходить и мыть машины. Где-то через месяц накопишь на новый телефон.

— Через месяц? — завопил подросток. — Да иди ты! Ты вообще знаешь, что детский труд запрещен?

— Я в твои годы работал, чтобы прокормить семью. А ты живешь на всем готовом и вечно всем недоволен.

— Не буду я твои вонючие машины мыть!

— Значит, останешься без телефона.

Несколько дней Витя ходил, насупившись, изредка бросая опекунам короткие обидные фразы. Наконец, он понял, что Илья не намерен отступить и что единственный способ обрести желаемое — это выйти на работу. Целый месяц по вечерам Витя, преодолевая лень и гордость, мыл машины. Это занятие казалось ему бесконечно скучным, приходилось терпеть крики старших, которые отчитывали его за плохую работу. Он огрызался, но работал ради достижения единственной цели.

— Ну, где мои деньги? — спросил он у Ильи, когда положенный срок истек.

— Держи, — мужчина протянул ему две хрустящие бумажки.

— Это все, что ли? — недоумевал подросток. — Этого на китайское бахла только хватит. Я чо, зря горбатился?

— Ладно, успокойся. Поможешь ребятам в мастерской, я тебе добавлю, сколько нужно. Договорились?

— А ты не обманешь? — Витя прищурил левый глаз.

— Нет.

— Но только не месяц, а... — подросток задумался, как бы не продешевить.

— Неделю, — предложил Илья.

— Пусть неделю, — согласился Витя, пряча бумажки в карман.

Алена, полностью доверявшая мужу решение всех важных вопросов, теперь начала сомневаться:

— Дорогой, зачем ты заставляешь Витю работать? Он же и так натерпелся в жизни.

— Это принципиальный вопрос, — отрезал Илья. — Он хочет дорогую вещь — пусть заработает на нее. Поверь, ему это пойдет на пользу. Он же ничего не умеет и не хочет. А так у него есть цель, пусть идет к ней. Это педагогика.

Алена больше не пыталась спорить, но интуиция подсказывала, что из этой затеи не выйдет ничего хорошего.

Через три дня позвонили из мастерской.

— Илюха, — хрипел голос одного из работников. — Срочно приезжай! Мастерская горит!

— Пожарных вызвали? — стараясь сохранять хладнокровие, спросил Илья.

— Конечно. Только, боюсь, не успеют.

— Выезжаю.

Илья сбросил звонок и рванул в мастерскую. Было поздно. На месте ангара выросло пепелище.

— Илюха, — к нему подлетел звонивший мастер. — Все на хрен сгорело. Ты понимаешь?

— Пострадавшие есть? — как можно спокойнее спросил Илья.

— Не, мы вдвоем с Серегой работали, еще этот твой пацанчик с нами терся. Но все выскочить успели.

— Главное, что все целы, а остальное решим, — пытался успокоить Илья работника.

— Илюха, это конец! — не унимался мастер. — Там две тачки дорогие были, тебе же платить за них придется. Все, бизнесу хана!

— Не переживай. Все решим. Что случилось? Ты можешь толком объяснить?

— Да это твой выродок поджег. Он зажигалкой баловался, я ему поджопник дал за это. Сам знаешь, у нас тут масло, бензин, краска. Как вспыхнуло, я даже не заметил.

— Где он сейчас?

— Да хрен его знает. Когда загорелось, я его вытолкал на улицу. Ну, матом еще обложил. А дальше мне не до него было. Зря ты этого ублюдка взял, с гнильдой он. Толка не будет.

— Заткнись, — отрезал Илья. Песчинки терпения быстро сыпались в нижнюю колбу часов.

— Знаешь, что. Да, пошел ты, Илюха! — кинул раздосадованный мастер. — Разбирайся сам. Ты эту кашу заварил. А работу я себе везде найду. Ждать, когда ты мастерскую восстановишь, не буду.

— Ну и катись! — крикнул Илья вслед уходящему работнику.

Перевернув внутренние песочные часы, Илья отправился к пожарной машине. Уладив все дела, он поспешил домой.

— Где он? — крикнул Илья встречавшей его Алене.

— В своей комнате, — испуганно ответила она и посторонилась.

Илья рванул дверь. Витя сидел на кровати, уставившись в стену.

— Это ты поджег? — заорал Илья, хватая подростка за грудки.

— Да не я это! Отцепись! Мне больно! — визжал Витя.

— Признавайся, гаденыш! — свирепел Илья, тряся ошарашенного подростка.

— Дядя Илья, не надо, это не я! Теть Алэн, спасите!

Гнев вырвался из клетки. Он хлестал стальными канатами руки и лицо Ильи, он шептал: «Вцепись ему в глотку».

— Илюша, пожалуйста, отпусти, ты же задушишь его! — умоляла Алена.

Илья опомнился. Он разжал пальцы, и хрипящий Витя прижался к стене.

— Пойдем, пойдем, — шептала Алена, уводя Илью на кухню.

Тело онемело и стало совсем чужим. Илья силился обуздать зверя и запахнуть его обратно в клетку, под замок, чтобы тот никогда не смел показывать зубы.

— Успокойся, Илюшенька... — Алена ласково гладила его руку. — Это не стоит того. Я так испугалась, думала, ты убьешь его.

— Прости, дорогая, — выдавил из себя мужчина. — Не знаю, что на меня нашло. Может, он, правда, не виноват, а я, не разобравшись... Ты успокой его, а я завтра все улажу. А сейчас я хочу подышать, не жди меня.

— Кажется, Мила проснулась, плачет. — Алена отпрянула от мужа и напрягла слух. — Я к ней пойду.

— Иди. — Илья поцеловал жену и тоже поднялся.

Тишина ночного города помогла остыть, собраться с мыслями и начать собирать осколки песочных часов. Он брел по пустым, заснеженным улицам, прикидывая в уме, как будет расплачиваться с хозяевами машин. Можно было продать автомойки, все равно дела там последнее время не ладилась, слишком велика была конкуренция. Мастерская восстановлению не подлежала, проще было открыть новую, но опять же нужны были деньги. Все это не страшно, он придумает, разберется. Больше всего он беспокоился, что чуть не прибил Витю. Спасибо Алене, его светлому ангелу-хранителю, что уберегла от еще одного страшного греха.

Когда он вернулся домой, все давно спали. Ему хотелось поцеловать сладко сопящую дочь и обнявшую ее жену, но он боялся их разбудить, поэтому тихо разделся и лег рядом. Вялый рассвет стирал черные краски прошлой ночи.

Утром Илья вошел в комнату Вити, когда тот собирался в школу.

— Чо надо? — спросил подросток, демонстративно укладывая учебники в портфель.

— Прости меня, — сказал Илья. — Я, правда, не хотел, не думал, что все так будет. Просто мне сказали, что это ты...

— Кто сказал? Этот хрен сиплый? И ты сразу на меня подумал? Да?

— Ну, прости, — бормотал Илья, плохо подбирая слова. — Полиция будет разбираться, что там произошло. Это неважно. Я, правда, испугался за тебя, когда узнал о пожаре.

— Я на тебя в опеку настучу — и за то, что работать заставлял, и за то, что вчера чуть не убил, — не отступал Витя.

— Давай все уладим. Я куплю тебе телефон, какой ты хочешь.

— Во, так бы сразу, — подросток сразу же оживился и начал описывать телефон своей мечты.

Получив заветный трофей, Витя успокоился. Илья полностью погряз в работе, нужно было решить много вопросов. Вроде бы все налаживалось, но однажды Алена шепнула мужу:

— Кажется, у меня из сумки деньги пропали.

— Ты уверена? — спросил Илья, надеясь, что догадки жены несостоятельны.

— Ты мне деньги давал на продукты, помнишь? Я пришла в магазин, а в кошельке не хватало тысячи. Но я точно помню, что брала их.

— Может, потратила?

— Нет. И не теряла.

— Думаешь, это Витя стащил?

Алена замолчала, потупив взгляд.

— Я боялась тебе сказать, — наконец выдавила она из себя. — Я боялась, что ты опять рассердишься.

— Ты уверена, что это он?

— Нет, но больше никому. Обещай, что не будешь ругать его.

— Без доказательств не буду. Нужно поймать его на месте преступления. Оставлять этого просто так я не намерен.

— Илюшенька, может, не надо?

— Мы взялись воспитывать его, значит, будем воспитывать. Ты же не хочешь, чтобы он через год загремел в колонию для несовершеннолетних.

— Мне кажется, мы поторопились, когда взяли его. Мы не готовы быть родителями подростка, тем более такого сложного. Зачем нам все это? Давай вернем его назад пока не поздно.

— Что ты такое говоришь? Он же живой человек, а не собачонка какая, чтобы поиграть и выбросить. Раз мы взялись нести этот крест, то будем нести его до конца.

Алена не знала, что ответить. Христианское смирение подсказывало ей, что муж прав, но женское сердце говорило обратное.

Илья не оставил затею вывести Витю на чистую воду. Он демонстративно, чтобы тот видел, положил несколько купюр в верхний ящик комода. К вечеру денег там не было.

— Я сегодня деньги в ящик положил, — сказал он за ужином, внимательно глядя на подростка.

— И чо? — невозмутимо спросил тот.

— Их там нет.

— Может, она взяла? — Витя кивнул на Алену.

— Я не брала.

— Тогда кто же? — продолжал Илья, не отводя взгляда от подростка.

— А чо ты на меня так смотришь? — пошел в атаку Витя. — Думаешь, я, да? Конечно, больше никому. На, обыскивай!

Подросток встал, швырнув вилку, и стал демонстративно выворачивать карманы.

— На, смотри. Хочешь, еще комнату мою перерой.

— Пошли, — согласился Илья.

Они направились в комнату, Витя начал разбрасывать вещи. Но Илье этот дешевый спектакль был не интересен, он отогнул край матраса и извлек оттуда записку.

— Эй, положи на место! — закричал Витя и бросился к опекуну. — Это не твое, отдай!

Подросток пытался вырвать деньги из рук мужчины, но тот крепко сжимал в кулаке тонкую пачку.

— Ах, ты, паршивец, — Илья пытался стряхнуть Витю, который готов был вцепиться зубами в его руку.

— Отдай, это мое! — кричал подросток.

Наконец, Илье удалось оттолкнуть Витю, тот зверьком смотрел на него, готовый вновь наброситься.

— Успокойся, отдам я тебе деньги, — сказал опекун. — Только скажи, зачем они тебе?

— Приставку хочу, — признался подросток, как следует обдумав, нужно это делать или нет. — Чтобы как у всех.

Илья протянул ему деньги. Витя недоверчиво посмотрел на опекуна, осторожно подошел к нему и выхватил деньги. Илья понимал, что вся педагогика летит к чертям, что он не прав. Но щемящая фраза «как у всех» снова и снова возвращала его в детство, когда ему тоже хотелось, чтобы его жизнь была «как у всех».

— Только не воруй. Ни у нас, ни в школе, нигде, — напоследок сказал Илья и вышел из комнаты.

В спальне Алена играла с Милой. Они вместе строили пирамидку из разноцветных кубиков, которая все время рассыпалась. Илья сел с ними рядом и стал помогать дочери.

Новые неприятности не заставили себя долго ждать. Илью снова вызвали в школу.

— Вы знаете, что ваш ребенок целую неделю не появлялся на уроках? — спросила директриса, постукивая указательным пальцем по столу.

— Я каждый день высаживаю его возле ворот, — ответил Илья.

— Возле ворот его видели, но в школу он не заходил. Вы бы изредка заходили в электронный дневник, там видны все прогулы, все его двойки.

— Я разберусь.

— Разберитесь и подумайте, стоит ли продолжать учебу в нашей школе. Мальчик откровенно отстает от остальных детей, нанимайте репетиторов или переводите в другую школу, послабее.

Когда Илья вышел на школьное крыльцо, он позвонил Вите. Тот взял трубку не сразу.

— Ты где? — спросил опекун.

— В школе, где еще, — врал подросток.

— Меня директриса только что вызывала, тебя нет в школе. Живо домой, там поговорим.

Огненный зверь погтями царапал клетку, пытаясь просочиться сквозь прутья, но Илья огромным усилием воли загонял его обратно. Нужно было вдохнуть поглубже и спокойно начать разговор. Главное, не выпускать зверя.

— Почему ты прогуливаешь школу? — спросил Илья, сохраняя хладнокровие.

— Не хочу я туда ходить. Чо там делать? — выпалил Витя.

— И что ты делаешь вместо уроков?

— Так, гуляю на улице.

— И что же тебе не холодно зимой гулять так долго?

— Не-а, я в магазины захожу, греюсь. Чо ты привязался?

— Ты должен ходить в школу, я несу за тебя ответственность, — начал нудную проповедь Илья, но Витя не собирался его слушать.

— Не буду я туда ходить! — выпалил он. — Пусть эта школа катится ко всем чертям! Там одни уроды! И учиться я не хочу, только ботаны уроки делают, а нормальные пацаны нет!

— А я сказал: ты будешь ходить в школу! — отрезал Илья и поспешил уйти из квартиры, несмотря на проклятия подростка, летящие ему вслед.

Зверь метался по клетке, раскачивая ее. Нужно было уйти, нужно было заняться делом, отвлечься. Нужно было усмирить зверя.

Илья вернулся домой поздно вечером. Он надеялся, что все давно уже спят, что все успокоилось, и что завтрашний день принесет спокойствие. На кухне его ждала Алена.

— Где ты был? — спросила она, сидя за столом.

— На работе. Ты же знаешь, сколько сейчас дел, — ответил Илья.

— Я тебе звонила.

— Я не слышал, — соврал он. — Что с Витей?

— После вашего разговора он заперся в комнате и не выходил даже на ужин.

— Упрямый.

— Да, такой же, как ты.

— Ты не заглядывала к нему в комнату?

— Нет. Пусть делает, что хочет. Мне уже все равно. Если честно, я думала, что ты сначала спросишь, как наша дочь, как я. А тебе больше интересен этот мальчишка.

— Неправда. Вас я люблю. Но мы несем за него ответственность.

— Я жалею, что позволила нам ввязаться во все это. Мы же так хорошо жили без него. Послушай, Илья, — Алена попробовала дотронуться до него, но он отвел ее руки.

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Это ужасно мелко — думать о земных радостях. А как же спасение души?..

— Спасайся сам, — отрезала она и ушла в спальню.

Илья долго стоял у окна, вглядываясь в темноту двора. Он был в своем доме, который долго и тщательно строил, но люди в нем были чужие.

Утром все молча завтракали, пережевывая вместе с кусками сочного омлета свои обиды. Илья быстро собрался и ждал в коридоре Витю.

— Ты скоро там? — крикнул он.

— Я заболел, — донеслось из комнаты.

Илья скинул куртку и разулся. Ничего хорошего новый день не сулил.

— Хватит врать! — рявкнул он, войдя в комнату Вити. — Живо собирайся!

— Не пойду я в твою тупую школу! — оборонялся подросток.

— Я сказал: пойдешь!

— Не пойду!

— Хорошо, тогда сиди в этой комнате взаперти!

Илья вышел и закрыл комнату на ключ.

— Эй, выпусти меня отсюда! — барабанил в дверь Витя. — Сволочь, я сейчас опеку вызову!

— Вызывай, кого хочешь!

— А ну открой! — не отступал подросток — Я тебе не только мастерскую, я тебе квартиру спалю, — он щелкнул зажигалкой.

— Илюша, прошу тебя, открой, — вмешалась Алена. — Пусть идет, куда хочет. Я не за себя, за дочь нашу боюсь, — шептала, давясь слезами. — Вдруг он из мести с ней что-нибудь сделает.

— Отстань! — Илья грубо оттолкнул ее. — Иди, куда хочешь, и Милу забери.

Алена закрыла руками лицо и, всхлипывая, убежала в спальню.

— Пусти меня, урод! — снова начал барабанить в дверь Витя. — Или я в окно выпрыгну!

— Прыгай! — отвечал Илья. — Второй этаж, не разобьешься!

Сквозь закрытую дверь он слышал, как подросток открывает окно. Поток морозного воздуха ворвался в квартиру, проникая сквозь щели и замочные скважины. Илья поспешил открыть дверь. Витя стоял на подоконнике.

— Ты же не прыгнешь, — сказал мужчина. — Хватит, слезай.

— А вот и выпрыгну! — не сдавался Витя.

Он подался вперед, но Илья тут же подлетел к нему и потянул к себе. Подросток рухнул на пол.

— Сволочь! — орал он, извиваясь на полу. — Ты мне руку сломал, гад! Чтоб ты сдох!

— Дай посмотрю, — предложил Илья.

— Да пошел ты, урод!

Несмотря на его вопли, Илья все же заставил Витю подняться и поехать в больницу.

— Перелома нет, — заключил врач, почесывая правое ухо. — Так, незначительный ушиб. До свадьбы заживет.

— Можно он до завтра у вас полежит? — спросил Илья.

— В этом нет никакой необходимости, — ответил врач.

— Пожалуйста, — Илья сунул в карман халата мятую купюру. — Иначе я его убью.

— Пусть полежит, — согласился врач, опуская руку в карман.

Дома было пусто. Ни Алены, ни Милы, только ветер, который заглядывал в открытое настежь окно. Илья достал телефон и увидел смс от жены: «Я ухожу. Забираю с собой Милу. Если тебе нравится играть в благодетеля, играй, но без меня».

И снова он остался один. Впервые ему захотелось выпить, чтобы успокоить зверя. Кирпичи, из которых он строил свою жизнь, вдруг оказались картонными, они обмякли и разлетелись.

На следующий день Илья сидел в кабинете директора детского дома.

— Очень жаль, — быстро говорила она, сжав пальцы в замок. — А я возлагала на вас такие надежды. Но, к сожалению, быть родителем — это особый дар, который дается немногим.

У Ильи не было сил отвечать, и он молча кивал. Внутренний шар догорел, жечь ему было нечего.

— Я поговорила с Витей, — продолжила директриса. — Кажется, он рад, что вернулся. Говорит, что здесь лучше. Надеюсь, вы понимаете, Илья Андреич, что вам лучше не видеться, и вообще нам стоит прекратить сотрудничество. Сами понимаете, слухи и все такое.

Он снова послушно кивал, как китайский болванчик.

— Я передам документы в опеку. У них, конечно, будет много вопросов к вам. Думаю, вы понимаете, что теперь вы у них в черном списке.

И это Илья прекрасно понимал.

Когда он вышел из детского дома, на крыльце два мужика прибавляли мемориальную доску с портретом афганца-героя. Илья дошел до ворот и в последний раз бросил взгляд на огненную птицу, которая застыла на фасаде здания.

Феникс снова обращался в пепел.

Антонида Смолина

Антонида Валентиновна Смолина окончила Вологодский педагогический университет. Живет и работает в городе Великий Устюг. Занимается работой с молодежью, руководит районным литературным объединением «Северок».

БАБУШКА

Бабушку с утра ругали за глупость. А как иначе назвать ее фантазии о пароходиках на заснеженном балконе? Бабушке шел 87-й год, она плохо слышала и почти ничего не видела.

Когда-то давно она была дочкой капитана. Папа-капитан водил пароход по широким северным рекам. У него была персональная каюта, белый китель и сильные руки, поднимавшие ее высоко-высоко, до самых чаек. По ночам ей часто снились их крики, и тогда с утра она просыпалась в тревоге.

— Пароходик-то еще не ушел? Я успею, Нина? — тормозила она спящую дочь и судорожно натягивала на плечи кофту. — Пароходик-то, вот ведь он, у балкона стоит, ишь, волна-то сегодня какая высокая...

— Дура ты, старая дура! — недовольно отзывалась дочь. — Квартира на третьем этаже, до реки через весь город ползти — какой еще пароходик? Брось свои глупости, дай поспать!

Бабушка на ощупь добиралась до окна и долго стояла там, прислушиваясь к несуществующим чайным крикам.

Вечером привели правнука.

— Баушка, баушка, — затараторил он с порога. — Я летающую корову хочу! Настоящую! У нее крылья белые, а сама она черненькая, с пятнышками. Я на нее сяду и буду летать вот так высоко, — и мальчуган задрал голову, показывая, как высоко может взмыть летающая корова.

Потом он еще долго рассказывал, какие удивительные существа эти летающие коровы, как он ждет не дожидается, когда, наконец, у него будет своя чудесная буренка. И взрослые смеялись, спрашивали, что ест его корова, где спит и взлетит ли она на балкон?

Бабушка тоже слушала и смеялась и была, пожалуй, в тот вечер даже счастливее своего трехлетнего правнука, потому что он по секрету рассказал ей: коровы летают очень быстро, его буренка с легкостью нагонит ушедший пароходик. Теперь бабушка ждала предстоящий полет.

ЧУЖАЯ ЖЕНА

— Вы же не начинаете шевелиться, пока под самым хвостом не загорится, — раздраженно выговаривал Василий хозяину, обдирая проводку, спрятанную под толстым слоем обоев.

Одноногий старик сидел на диване в противоположном углу комнаты и виновато молчал.

Чуть больше недели назад в районе частной застройки один за другим сгорели три дома. И все — по причине короткого замыкания. Для Василия, местного электрика, это стихийное бедствие вылилось в срочную замену километров кабеля на многострадальной улице и, как следствие, — отмену долгожданного отпуска.

Вот и сегодня, оценив фронт работ, Вася понял, что посиделки, запланированные на вечер у соседа, пройдут без него.

— Дома у всех деревянные, погода сухая стоит — как спички, повспыхиваете, — продолжал он, с силой выдергивая из стены задубевшие от времени провода.

Кабель неожиданно быстро поддался, и Василий, не удержав равновесия, повалился назад. Пока его руки спешно искали, за что зацепиться, на пол полетели портреты с навесной полки, ваза с подоконника и что-то еще, пылившееся в тесной комнатухе, сотрясенной падением несчастного электрика.

— Что случилось? — показала в проеме обеспокоенная хозяйка. — Ой-е! — всплеснув руками, женщина бросилась собирать осколки на разноцветных половиках.

Василий поднялся, подхватил с полу треснувшую раму с портретами и теперь неловко топтался в углу, боясь раздавить остатки стекла.

— Ничего-ничего, — улыбнулась хозяйка, заметив его смущение, — пусть на счастье будет! Я сейчас за веником схожу и все замету.

— Вы уж простите меня, — взглянул Василий на старика, сам не зная, за что больше стыдно — то ли за разбитое имущество, то ли за недавнюю отповедь. — Вон и родню вашу расколотил, — пробормотал он, пытаясь пристроить портреты обратно на полку. С черно-белого фото строго смотрела худощавая женщина. — Кто это? Сестра, наверно?

— Это жена его, — просто ответила вернувшаяся с веником хозяйка. — А рядом мой муж, это армейская фотография.

— А вы кто? — спросил Вася и тут же подумал о неуместности подобных вопросов.

— Да, а кто ты мне? — неожиданно подключился к диалогу старик и хитро сощурился. Василию показалось почему-то, что заданный вопрос уже не раз звучал в стенах этого дома.

— Николай, не начинай! — с угрозой обернулась к старику хозяйка. — Не мути воду, не по возрасту нам это.

— Эх, парень, считай, что любовница! — махнул рукой Николай.

— Вот еще! Любовница! — хозяйка как будто даже оскорбилась. — Просто не жена.

— А чего не поженитесь? — улыбнулся Вася.

— А потому что не бывает второй жены. И мужа второго не бывает.

Старик недовольно крякнул, но возражать не стал.

— У кого-то, может, и бывает, только не про нас это. — Женщина вздохнула и присела на край дивана, рядом со стариком. — Был у меня муж. Тоже Николаем звали. Хороший. Худого слова от него не слышала — только «Манюшка, Манюшка...»

Мы с ним в деревне жили, недалеко тут, за рекой. Я оператором в конторе работала, он — лесником. А работа такая — все по лесам ездил. Вот и подцепил где-то клеща. Затемпературил, да мне-то ничего не говорил сначала. И фельдшерница не сразу поняла, отчего. Потом уж оказалось, что энцефалит. В больнице нашли, когда без сознания скорая забрала. Не один месяц лежал. Только не вылечили. Ходить — ходил, ел сам, но на голове отразилось — как ребенок стал.

Так и зажили: старшему сыну десятый год шел, среднему — шесть, а дочка совсем еще маленькая была, трех годков не исполнилось. Ой, тяжело было, чего говорить. И ведь не поплакать, не пожаловаться. Он это вот как-то чувствовал. Сразу занервничает, задержается: «Манюшка, ты ре-

вешь? Не реви, Манюшка». И сам слезами уливается. Ребята посмотрят на него — и они туда же! Такое светопреставление начнется, ой! Так я, бывало, соберусь корову доить, в хлеву всплакну, пожалею себя, горемычную, а уж домой-то опять спокойная иду.

Бабы все спрашивали: как, мол, ты его не бросишь, ведь это уж не тот мужик, за которого замуж выходила. А я думаю, как не тот? В глаза ему загляну — душа-то Колина! Тридцать два года после этого мы с ним прожили. Когда умер, долго привыкнуть не могла. Будто и на месте все, а все не то. Вроде сама себе хозяйка стала, а как распорядиться собой, не знаю.

Вскоре соседка нас с этим вот Николаем и сосватала. Живет, говорит, хороший мужик, при доме, при пенсии, только ноги нет, отморозил. Я еще спросила, не по пьяни ли отморозил. Не люблю пьяниц-то. Нет, говорит, на охоте зимой заплутал, еле выбрался. Хозяйственный, говорит, спокойный. Тоже один детей растил: жена молодая при родах умерла.

Два сына у него, в Сибири оба живут. Тяжело в одиночку да без ноги хозяйство тянуть. Объедините, говорит, свои одиночества. Ага, так и сказала: «Объедините одиночества».

Только этот ведь сам свататься не пойдет, пришлось мне в гости собираться. Так и сошлись. Третий год уж живем.

— Сожительствоуем, — поправил старик.

— Да ну тебя лесом! — подскочила хозяйка и принялась за забытую уборку.

Василий тихонько подвинул стремянку обратно к стене.